

Старый дворецкий ушел, и Чжоу Ли радостно объявил, что наконец-то обрел свободу. Янь Цзинь в душе лишь насмешливо усмехнулся: свободу?

Напротив, теперь он стал еще более несвободным. Семья Чжоу будет контролировать его еще жестче.

В конце концов, он — молодой господин из рода Чжоу, только что прошедший дифференциацию.

Янь Цзиню предстояло научиться быть двуличным флюгером: так докладывать семье Чжоу о передвижениях Чжоу Ли, чтобы тот ничего не заподозрил и не начал испытывать к нему отвращение.

Чжоу Ли быстро принял решение:

— Обеденный стол.

Янь Цзинь спустился вниз, чтобы принести еду. В доме должен был быть лифт для подачи блюд, но он не нашел кнопки, а спрашивать Чжоу Ли не хотелось — не желал тратить на него лишние слова. В любом случае, он приготовил всего три блюда и суп, так что управился за два захода.

Расставив тарелки, Янь Цзинь замер рядом со столом. Чжоу Ли привык за ужином выпивать немного красного вина, но Янь Цзинь не знал, каковы его предпочтения сейчас, поэтому решил дождаться, пока тот сам попросит.

Чжоу Ли бросил взгляд на сервировку для одного человека, затем перевел его на Янь Цзиня, который стоял рядом, опустив голову. Нахмурившись, он не стал садиться, а так и остался стоять, сверля слугу взглядом.

Янь Цзинь почтительно спросил:

— Какое вино подать?

— Янь Цзинь, — голос Чжоу Ли стал тяжелым, — ты это нарочно, да?

— Я не знал, чего вы хотите, поэтому... — бесстрастно ответил Янь Цзинь.

— Ты прекрасно понимаешь, что я не об этом, — Чжоу Ли гневно уставился на него. — В доме только мы двое, обязательно продолжать в том же духе?

Янь Цзинь прикусил губу.

Он ненавидел это место. Здесь было слишком тихо, ни единого звука, и малейшее изменение настроения Чжоу Ли становилось для него очевидным. В то же время каждое движение самого Янь Цзиня многократно усиливалось под прицелом этого Альфы с обостренными чувствами.

— Ты ведь понимаешь, о чем я говорю? — по слогам произнес Чжоу Ли. — Янь Цзинь.

Янь Цзинь опустил глаза:

— Я схожу вниз за посудой.

Чжоу Ли издал холодный смешок и неохотно сел за стол.

Опершись подбородком на правую руку, он огляделся по сторонам, и взгляд его упал на хрустальный бокал.

Освещение сегодня было другим.

Янь Цзинь включил теплый свет, тогда как Сяо Ян обычно предпочитал холодные лампы. Когда-то, еще в доме семьи Чжоу, Янь Цзинь привык к теплоте свету, но с какого-то момента вокруг него остались лишь ледяные белые лампы.

Теплый янтарный свет мягко падал сверху, беззвучно согревая каждый холодный и жесткий уголок комнаты: от белого потолка до серых стен, черной плитки пола и мраморной столешницы. Даже этот суровый Альфа под таким светом стал казаться чуточку мягче.

Чжоу Ли на мгновение замер, его лицо прояснилось, и он достал телефон, чтобы сделать снимок.

Стол был рассчитан на четверых, и Янь Цзинь по собственной инициативе сел по диагонали от Чжоу Ли.

Янь Цзинь ел быстро — привычка, выработанная в семье Чжоу. Старый дворецкий всегда говорил: если служишь семье Чжоу, интересы господ должны быть на первом месте, и нельзя тратить время на личные дела. Тогда Янь Цзинь наивно спросил, что считается личными делами, на что дворецкий с улыбкой ответил: всё, что не касается Чжоу Ли. Абсолютно всё.

Во время еды у него была еще одна особенность: он вел себя настолько бесшумно и незаметно, что Чжоу Ли порой сомневался, берет ли тот вообще еду со стола.

Чжоу Ли отложил палочки:

— Янь Цзинь.

— Слушаю, — мгновенно отозвался тот.

Чжоу Ли едва поднял руку, еще ничего не успев сказать, как Янь Цзинь тут же понял его намерение:

— Хорошо.

Он взял сервировочные палочки и положил еду в тарелку Чжоу Ли.

Мягкость, принесенная теплым светом, мгновенно улетучилась. Чжоу Ли пришел в ярость, лицо его потемнело. Он хотел вспылить, но не мог найти повода.

Придаться было не к чему. В семье Чжоу была принята порционная подача, и даже если еда стояла в одной тарелке, слуги всегда использовали общие приборы. Когда Янь Цзинь еще жил в особняке, он всегда играл эту роль: хозяин ест, а он наготове, чтобы в любой момент подать или разделить блюдо.

После того как они стали жить отдельно, границы между господином и слугой немного размылись, и таких строгостей за столом уже не было, но Янь Цзинь по привычке заранее делил порции, избегая совместной трапезы. В те времена Чжоу Ли вечно пропадал на вечеринках и редко бывал дома к ужину.

Гнев продолжал разгораться, достигнув пика, когда Чжоу Ли не раз заметил, как Янь Цзинь бросает взгляды в окно, то и дело поглядывая на часы и телефон.

Ярость, не находя выхода, превратилась в удушливые феромоны, заполнившие всю столовую.

Янь Цзинь отвел взгляд от окна и, как обычно, на мгновение задержал его на Чжоу Ли, чтобы проверить, все ли в порядке, но тут же наткнулся на пугающе темный, тяжелый взгляд Альфы.

Черные, как смоль, глаза, полные подавленного гнева — сердце Янь Цзиня тревожно екнуло, и его прошиб холод, словно он окунулся в ледяную воду.

Чжоу Ли начал выпускать феромоны — этот Альфа был недоволен.

Янь Цзинь подумал, что не должен так удивляться: ужин проходил странно, но в рамках нормы, и раздражение Чжоу Ли было вполне логичным.

Он опустил голову в знак покорности, а боковым зрением начал сканировать комнату. Он искал датчик концентрации феромонов — в доме Чжоу Ли такая вещь должна быть обязательно, ведь семья требует регулярно отслеживать колебания его фона.

Однако он так ничего и не нашел. Янь Цзинь, привыкший сохранять невозмутимость, впервые почувствовал легкую панику: почему его нет? Как семья Чжоу могла допустить такое? Разве это не предмет первой необходимости в доме Альфы? Почему Сяо Ян ничего не подготовил!

Спустя несколько минут он почувствовал, что атмосфера в комнате немного разрядилась, и принялся убирать тарелки:

— Принести вам фруктов?

Чжоу Ли слегка прищурился:

— Уже не торопишься?

Янь Цзинь замер.

— Прикидываешься дурачком? — Чжоу Ли приподнял бровь. — Ты все время смотрел на время. Что ты собирался делать?

Янь Цзинь уже открыл рот, чтобы ответить, но Чжоу Ли бросил на него холодный взгляд:

— Подумай, прежде чем отвечать.

Под этим острым взглядом фраза «боялся помешать вашему отдыху», которая уже почти сорвалась с губ, была спешно проглочена обратно.

Эти шесть слов звучали слишком формально, и Янь Цзинь сам в них не поверил.

Уголки губ Чжоу Ли изогнулись в лишенной тепла усмешке, и он продолжал немигающе смотреть на Янь Цзиня.

<http://bllate.org/book/20838/2100077>